

Госпожа Линь не могла смириться с тем фактом, что ее дочь выйдет замуж на западе, но она также не знала, что с этим поделать. Линь Сян не слушал ее.

Если бы это было раньше, Линь Сян мог бы пойти на уступки в угоду Мэн Лаофужэнь и найти способ, но теперь?

Линь Сян никогда не пожертвует своей властью и интересами ради нее. По мнению Линь Сян не было ничего важнее власти. Ради своего могущества он мог пожертвовать даже своим сыном, не говоря уже о дочери.

«Может, мне стоит пойти и попросить Линь Чуцзю?» – в ту же ночь госпожа Линь сидела в кресле и думала как ей решить проблему, вставшую перед Линь Ваньтин.

Влияние семьи ее матери постепенно шло на убыль, на Линь Сяна нельзя было положиться, наследный принц был бесполезен. Ему нравилась Линь Ваньтин, но он не пошел бы ради нее против императора.

«Как моя жизнь стала такой?» – недоумевала госпожа Линь. Как всего за шесть месяцев ее жизнь и жизнь Линь Чуцзю так сильно изменилась?

Казалось, что с тех пор, как Линь Чуцзю вышла замуж, все полностью вышло у нее из-под контроля. Линь Чуцзю больше ей не подчинялась. Линь Ваньтин ее не слушала. Ее контроль над своей семьей становился все слабее и слабее... Но...

Госпожа Линь никогда не была женщиной, которая смиряется со своей судьбой. Если бы она смирялась с судьбой, то сейчас была бы замужем за кем-то другим, а не за тем же мужчиной, за которого вышла ее сестра.

«Я не должна позволить выдать Ваньтин замуж на запад, ни за что!»

Ради этого она готова была временно склонить голову перед Линь Чуцзю.

После того, как она повоспитывала Линь Ваньтин дома несколько дней, госпожа Линь нашла возможность послать сообщение в поместье Сяо, сообщив, что они с Линь Ваньтин нанесут визит. Домоправитель Цао доложил об этом Линь Чуцзю. Линь Чуцзю, естественно отказалась.

«Скажите госпоже Линь, что я соблюдаю траур по бабушке, я не буду принимать никаких гостей».

Линь Чуцзю подумала, что госпожа Линь, перед носом которой захлопнули дверь, рассердится. Она не ожидала, что она также пришлет сообщение на следующий день. После отказа она прислала сообщение снова, и это продолжалось шесть дней. Хотя это была мелочь, на протяжении долгого времени она определенно привлекала внимание.

Линь Чуцзю была совершенно раздосадована, когда госпожа Линь послала ей сообщение в восьмой раз. Линь Чуцзю не отказала напрямую, но сказала домоправителю Цао: «Да что с ней не так? Скажите ей, чтобы больше не посылала писем, я пока не умерла, так что ей не обязательно меня видеть».

Линь Чуцзю не думала, что они с госпожой Линь смогут забыть о взаимной ненависти. Госпожа Линь что, уже забыла, что она отравила ее?

Домоправитель семьи Линь вскоре вернулся и принес сообщение от госпожи Линь, в котором говорилось, что ей нужно сказать ей что-то о ее матери.

«Что-то о моей матери?» – Линь Чуцзю внезапно подумала о письме, которое дала ей Мэн Лаофужэнь и жетоне Центральной империи.

Правда ли, что она не дочь Линь Сяня? Чем больше она думала об этом, тем больше она думала, что это возможно.

Думать об этом неправильно! Линь Чуцзю сдержала свои беспорядочные мысли.

«Скажите госпоже Линь, что я буду ждать ее завтра в поместье Сяо».

Она полагала, что раз госпожа Линь осмелилась упомянуть об этом, у нее, должно быть, серьезные проблемы. Иначе она не стала бы позорить свою собственную семью.

Домоправитель Цао поклонился, но, прежде чем уйти, он не забыл напомнить Линь Чуцзю: «Ванфэй, сегодня днем Су Гунцзы придет забрать письмо».

«Я знаю», – каждые три дня письмо становилось важнейшим событием в поместье Сяо, а для Линь Чуцзю оно стало головной болью.

На этот раз ей нужно было так много всего рассказать Сяо Тяньяо. В письме она написала о болезни императрицы, о Сяо Циане и о выздоровлении Мэн Сююаня. На последней странице она переписала два любовных стихотворения, которые еле влезли на третью страницу.

«Мне продолжать переписывать стихотворение?» Но стихотворений, которых она скопировала, было слишком много. Линь Чуцзю сходила с ума.

Два цветка зацвели, и каждый из них – перед столом. Линь Чуцзю было трудно писать письмо. Сяо Тяньяо, получив письмо, был совсем недоволен.

Первое письмо, которое послала Линь Чуцзю, все было о ней и Су Ча. Она даже спросила его в письме, хорошо ли звучит имя «Сусу», которое она ему дала.

Хорошо ли звучит? Приятно ли слышать?

Он подумал, что с ее стороны было бы лучше и добрее, если бы она попросила его умереть.

Во втором письме, проигнорировав чуть меньше половины листа бумаги, она написала о болезни императрицы, специфику которой она не описала, а затем – о Сяо Циане и Мэн Сююане.

Что Линь Чуцзю пыталась сделать? Она что, хотела сказать, что пользуется вниманием?

Третье письмо было еще менее старательным. Он не знал, откуда она списала два любовных письма, написанных мужчиной к женщине. Это, безусловно, было поверхностно.

«Она совсем не серьезна». Сяо Тяньяо был очень раздосадован, поэтому он планировал написать письмо, чтобы поругать Линь Чуцзю.

Расправив бумагу и приготовив чернила, он поднял кисточку, чтобы написать, но потом...

Лишь только он написал слова: «Линь Чуцзю», – как громкий голос раздался снаружи, а за ним

последовало лязганье клинков.

«Ванье, здесь асасины», – немедленно доложил солдат. – «Их очень много и их боевые навыки превосходны. Мы боимся, что не сможем долго сдерживать их».

Теперь, когда появились асасины, он никак не мог закончить письмо. Сяо Тяньяо отложил кисточку и вышел проверить ситуацию.

Новые солдаты были разделены на группы, и каждая группа соответственно страдалась с асасинами, охраняя территорию. Впереди было два очень умелых асасина, и один свободно убивал с помощью другого. Чтобы добраться до Сяо Тяньяо, им оставалось пройти всего один лагерь.

Эти двое были очень искусными, обычные солдаты им были просто не соперники. Сяо Тяньяо не позволил своим людям принести себя в жертву. Он вытащил длинный меч, который был у него на поясе, и выпрыгнул навстречу двум воинам. Меч в его руке был подобен длинному дракону, он был беззвучным и проходил прямо сквозь людей.

Па! С хрустом меч пронзил лицо асасина, кровь хлынула из носа ко рту. Когда меч был вынут, кровь потекла рекой из дыры. Лицо асасина в миг стало подобно лицу демона.

«А!» – заорал второй асасин и поднял свой меч, защищаясь, но он увидел, что меч Сяо Тяньяо порхнул к его правой руке, и, когда он повернулся, его рука отлетела прочь. – «Ааа!» – асасин содрогнулся от боли, его лицо исказилось, но...

Сяо Тяньяо не обратил на него внимания. Длинный меч в его руке был гибче кнута. В воздухе серебряная искра мелькнула и вонзилась в сердце асасина.

Когда его запястье повернулось, раздался звук разбившегося сердца.

Потом меч Сяо Тяньяо скользнул ко второму асасину, но это была не та же жестокость, что в первый раз. На этот раз меч Сяо Тяньяо летел медленнее, но смертоноснее.

Сяо Тяньяо уничтожил глаза асасина, но, прежде чем он успел отреагировать, он был разрублен пополам.

«А!» – крики звучали один за другим, и другие асасины падали на землю. Глядя на их ранения, было понятно, что быстро они не умрут.

С тех пор, как умерли два асасина, сгорело всего полпалочки ладана.

Сяо Тяньяо не посмотрел на этих людей, он только забрал свой меч и отдал бессердечный приказ: «Я хочу, чтобы они дожили до 12 часов». Проще говоря, он хотел, чтобы асасины мучились от боли в течение двенадцати часов.

Что же до допроса?

Сяо Тяньяо никогда не допрашивал асасинов. Не важно, чем были асасины, это не имело значения. Что может быть важного в его враге?

О, теперь у него было важное дело, и это было...

<http://tl.rulate.ru/book/2902/705939>